

СЕКЦИЯ 8. ЛОГИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В. О. Лобовиков,

*главный научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
проф. каф. онтологии и теории познания УрГУ
(г. Екатеринбург)*

АНТАГОНИЗМ НАУКИ И РЕЛИГИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ВЗАИМНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СВЯЗИ С ДОГМАТАМИ О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ И О ВОСКРЕСЕНИИ ИЗ МЕРТВЫХ

О возможности использования алгебры поступков для научного обоснования нравственной ценности религиозной веры в воскрешение праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки.

Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Если будешь слушать заповеди Господа, Бога твоего], которые я заповедую тебе сегодня — любить Господа, Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его, и постановления Его, и законы Его; и будешь ты жить и размножаться, и благословит тебя Господь, Бог твой, на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею;

Если же отворотится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам, и будешь служить им,

То я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, для овладения которою ты переходишь Иордан.

Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословление и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое,

Любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя ...

Библия. Второзаконие. Глава 30.

Стихи 15—20

* * *

Не убивай.

**Библия. Исход. Глава 20. Стих 13;
Там же. Второзаконие. Глава 5. Стих 17**

* * *

Более того, скажу коротко: все сущее, поскольку существует, представляет собой добро, происходящее от Добра, а поскольку лишается Добра, не представляет собой добра и не существует.

Дионисий Ареопагит [2, с. 147]

Еще совсем недавно (в период от Октябрьской Революции до Перестройки) серьезное исследование темы данной статьи в российской научной литературе было делом практически нереальным по целому ряду вполне понятных конкретно-исторических (идеологических) причин. Проблема, упомянутая в заглавии статьи, объявлялась в России (в течение указанного периода) псевдопроблемой средневековой схоластической философии, выступавшей в качестве «служанки богословия». В настоящее время (после Перестройки) ситуация в России значительно изменилась. «Научный атеизм» как «разновидность религии» потерял в современной России статус идеологической монополии, официально поддерживаемой государством. Отказ от государственной политики воинствующего атеизма, прогрессивная *тенденция* (к сожалению, недостаточно последовательная) к веротерпимости, к невмешательству государства в (законопослушную) религиозную жизнь граждан и в межконфессиональные отношения (если они не ставят под угрозу государственную безопасность, жизнь и здоровье людей) привели к значительному увеличению в современной России как числа верующих, так и многообразия различных конфессий.

Кое-кто мог бы заметить, что все эти факты из современной истории России не имеют никакого отношения к Науке вообще и к научной теории религиозной веры в воскрешение и последующую вечную загробную жизнь праведников в частности. Но почему? Если Наука — это, прежде всего, факты, и честный ученый *никакие* факты не имеет права игнорировать, то он не должен игнорировать и тот факт, что *значительное*

число российских граждан в настоящее время имеет религиозные **потребности** и религиозное сознание. Если Наука и Религия, в их **идеале** (в их сущности), не противоречат друг другу логически, т. е. не отрицают, а взаимодополняют друг друга в человеческом сознании и практике, то Наука, в принципе, может (и даже должна) способствовать более эффективному, полному и адекватному удовлетворению религиозных **потребностей** верующих людей, оптимизации их религиозного сознания, повышению качества религиозной жизни. Если конечная задача Науки — всемерно способствовать удовлетворению любых признанных обществом человеческих **потребностей**, то, если религиозные **потребности** людей обществом не отвергаются, а признаются нормальными, естественными, то одна из задач Науки (как это ни парадоксально, с точки зрения воинствующего атеизма) — способствовать повышению качества религиозной жизни, наиболее полному удовлетворению религиозных **потребностей** людей. Но чем могла бы Наука, как таковая, помочь Религии? Одним из аспектов, в которых такого рода помощь возможна и желательна, является, например, *оптимизация структуры (формы) религиозного сознания*, в частности, поиск и устранение формально-логических противоречий, подрывающих веру в Бога (у тех верующих, которые ценят еще и Разум, а значит, и Логику). *Достижение и демонстрация формально-логической непротиворечивости теоретической теологии удовлетворяют религиозную потребность в обеспечении гармонии Веры и Разума* (взаимной толерантности Религии и Науки). Если со всем этим согласиться, то получается, что чрезвычайно острая и болезненная для религиозного сознания проблема рационального (строго научного) обоснования религиозной веры в воскрешение праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки, не только может, но и должна быть исследована Наукой во имя полного удовлетворения жизненных потребностей тех людей, которые верят в Бога. (Вопрос о том, существует ли Бог на самом деле, и каково на этот счет личное мнение автора данной статьи, вообще не обсуждается и даже не ставится в ней. Наши рассуждения **не зависят** от того или иного ответа на этот вопрос. Они зависят лишь от факта существования людей, верующих в Бога, от факта наличия у них религиозных по-

требностей, которые для них жизненно важны и рассматриваются обществом в качестве положительных или, по крайней мере, допустимых, от признания адекватного удовлетворения человеческих потребностей в качестве конечной цели Науки и, наконец, от отрицания дискриминации между людьми верующими и неверующими, между жизненно важными потребностями тех и других.)

В течение длительного времени считалось, что существует неразрешимое формально-логическое противоречие (антагонистический конфликт) между позитивным научным знанием (о жизни и смерти) и религиозной верой в грядущее воскрешение праведников из мертвых для их последующей вечной жизни. Толерантность между наукой и религией в этом вопросе считалась абсолютно нереальной (принципиально невозможной). Однако в наше время появились существенно новые возможности для разрешения сформулированного выше формально-логического противоречия (конфликта) между наукой и религией. Возможности эти возникли в связи с созданием в последней трети XX века алгебры поступков [3]. Поскольку далее в тексте простейший фрагмент упомянутой алгебры используется в качестве метода математического моделирования конфликта позиций науки и религии в обсуждаемом вопросе (с целью нахождения формально-логически непротиворечивого разрешения противоречия между ними), постольку целесообразно сформулировать некоторые наиболее простые положения этой алгебры и показать, как такая алгебраическая модель может помочь выбраться из обсуждаемого тупика в развитии дружественных отношений между религией и наукой. (Здесь мы даем настолько минимальные сведения об алгебре поступков, что для их понимания вполне достаточно элементарных математических знаний, полученных в старших классах средней школы. Читателя, всерьез заинтересовавшегося упомянутой дискретной математической моделью морально-правовых структур и желающего познаться с ней более подробно, отсылаем к книге [3].)

* * *

Двузначная алгебра поступков — простейший конкретный пример **формально-этической системы**. Эта алгебра служит адекватной математической моделью **ригористической** (т. е. **двузначной**) **формальной этики**. Нравственный

ригоризм **четко** разделяет **все** в человеческой деятельности на «черное» и «белое». Объектом морально-правовых оценок служат действия людей. За основу алгебраической теории ригористических морально-правовых оценок берется множество поступков. Поступками в данной алгебре называются, по определению, все те и только те действия, которые объективно являются либо хорошими, либо плохими. Союз «либо-либо» обозначает строгую (исключающую) дизъюнкцию: либо то, либо другое обязательно имеет место, третьего не дано. Одним из логических следствий данного определения оказывается утверждение о том, что общественно нейтральных поступков нет. Приведенная выше дефиниция и вытекающие из нее следствия не означают, однако, отрицания наличия в действительности юридически и морально безразличных (ни плохих, ни хороших) действий. Очевидно, что существуют действия, о которых невозможно достаточно аргументированно утверждать ни то, что они плохи, ни то, что они хороши. Например, действие субъекта, заключающееся в том, что он сегодня купил хлеб не в магазине № 2 около своего дома, а в магазине № 27 около места своей работы, вполне может быть общественно нейтральным. В этой связи утверждение о том, что всякий поступок является либо плохим, либо хорошим, а общественно нейтральных (ни плохих, ни хороших) поступков нет, может показаться противоречащим содержательной юриспруденции и этике. Однако противоречие возникает лишь в том случае, когда определенное выше понятие «поступок» отождествляется с понятием «действие». В рамках же развиваемой концепции между поступками и действиями проводится существенное различие. *Всякий поступок есть действие, но не всякое действие есть поступок.* Поэтому утверждение о том, что ни один поступок не является общественно нейтральным, и согласие с тем, что общественно безразличные действия все же существуют, логически не противоречат друг другу. В соответствии с принятым в двузначной формальной этике определением понятия «поступок» все те акции, которые по каким-либо причинам нельзя (бессмысленно) рассматривать как плохие или хорошие, просто не считаются поступками. Такими действиями являются, например, все те операции, которые человек не мог или не может совершить из-за каких-то не зависящих от него обстоятельств, т. е. действия, совершаемые при *отсутствии свободы выбора*.

В рамках формальной этики и юриспруденции элементы множества {х (хорошо), п (плохо)} называются **ценностными морально-правовыми значениями** поступков. Поступки делятся на простые и сложные. Сложные представляют собой определенным образом связанную совокупность простых. Для оценки сложных поступков очень важно знать, как зависит их морально-правовое значение от морально-правовых значений входящих в них простых поступков, точно так же, как для логики высказываний очень важно знать, как зависит логическое значение сложного высказывания от логических значений входящих в него простых высказываний. На множестве поступков для любого произвольно взятого поступка **а** могут быть (а могут и не быть) определены следующие унарные морально-правовые операции: (1) *Na* — *воздержание* от **а**, т. е. *свободное несовершение* поступка **а**; (2) *Ra* — *противодействие* (сопротивление) совершению **а**, т. е. *пресечение* **а**; (3) *Ya* — *содействие*, т. е. *соучастие*, в совершении **а**; (4) *Oa* — отрицательная оценка, т. е. *осуждение*, поступка **а**; (5) *Da* — положительная оценка, т. е. *одобрение*, поступка **а**. Кроме того, пусть символы *Ba*, *Sa*, *Xa*, *Za*, *La*, *Ha*, *Ba*, *Ba* обозначают, соответственно, определенные на множестве поступков унарные морально-правовые операции: «*вера* в хорошестъ **а**»; «*сомнение* в хорошести **а**»; «*надежда* на **а**»; «*отчаяние* в связи с **а**»; «*любовь* к **а**»; «*ненависть* к **а**»; «*бытие* (жизнь) в связи с **а**» и «*небытие* (смерть) в связи с **а**». Наконец, пусть символы *Ca* и *Ua* обозначают, соответственно, морально-правовые ценностные функции: «*нравственный смысл* (его наличие или придание) деятельности **а**, т. е. положительная нравственная интерпретация **а**, отнесение ее к Добру (установление ее причастности Добру)» и «*бессмысленность* (нравственная) деятельности **а**, т. е. отсутствие, исчезновение, потеря, лишение нравственного смысла деятельности **а**». Нравственная бессмысленность деятельности **а** есть отсутствие (несуществование) положительной нравственной интерпретации **а**, устранение ее причастности Добру».

Результаты упомянутых выше унарных операций над поступками могут принадлежать (а могут и не принадлежать) множеству поступков. Ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций *N*, *R*, *Y*, *O*, *D*, *Ba*, *Sa*, *Xa*, *Za*, *La*, *Ha*, *Ba*, *Ba*, *Ca* и *Ua* адекватно определяется следующей ниже таблицей 1, если и только если действия, имеющие форму **а**, *N*, *R*,

У, О, Д, Ва, Са, Ха, За, Ла, На, Ба, Ёа, Са и Уа являются поступками. (В противном случае таблица неприменима. Так, например, если а — поступок, а Уа не есть поступок, то определить правовое значение Уа по этой таблице нельзя.)

Таблица 1

а	На	Ра	Уа	Оа	Да	Ва	Са	Ха	За	Ла	На	Ба	Ёа	Са	Уа
х	п	п	х	п	х	х	П	х	п	х	п	х	п	х	п
п	х	х	п	х	п	П	Х	п	х	п	х	п	х	п	х

Простыми поступками будем называть, по определению, поступки, в которые не входит ни одна из унарных или бинарных операций, определенных в алгебре поступков (для облегчения восприятия текста бинарные операции в данной статье не рассматриваются). *Сложными* поступками будем называть, по определению, поступки, не являющиеся простыми, т. е. поступки, в которые входит хотя бы одна из операций, рассматриваемых в алгебре поступков. *Простые морально-правовые формы* поступков являются, по определению, морально-правовыми формами простых поступков. *Сложные морально-правовые формы* поступков являются, по определению, морально-правовыми формами сложных поступков. Поступки формально-этически **равноценны**, по определению, если и только если их *морально-правовые формы формально-этически равноценны*. По определению, *морально-правовые формы* (поступков) формально-этически **равноценны**, если и только если они (эти морально-правовые формы) принимают одинаковые морально-правовые ценностные значения при любой возможной комбинации ценностных значений входящих в них простых морально-правовых форм, т. е. морально-правовых форм простых поступков. Обозначим отношение **формально-этической равноценности морально-правовых форм** поступков а и в символом «а=+=в».

Простые морально-правовые формы (поступков) представляют собой **ценностные переменные**, областью допустимых значений которых является двухэлементное множество {х, п}, а сложные морально-правовые формы (поступков) представляют собой **ценностные функции** от этих переменных. Областью значений этих ценностных функций является то же самое двухэлементное множество {х, п}. Иначе говоря, ценност-

ная функция есть функция от n аргументов, причем каждый аргумент может принимать значение x или n и сама функция имеет значение x или n . (В данной статье для достижения максимально возможной простоты изложения мы будем рассматривать ценностные функции только от одного аргумента. Читателя, желающего познакомиться с морально-правовыми ценностными функциями от двух аргументов, отошлем к монографии [3].) Теперь, кратко охарактеризовав те предельно простые (минимальные) математические средства, которые будут использоваться в данной работе, приступим к ее основному содержанию.

* * *

В данной статье обсуждается *бытие (жизнь) и небытие (смерть) как поступки* в том специфическом значении термина «поступок», которое систематически используется в философии экзистенциализма и в алгебре поступков. Отсюда следует, что говорить о жизни (существовании) или смерти (несуществовании) как о поступках (в указанном смысле слова) можно лишь в том случае, когда есть свобода выбора — быть или не быть. Так, например, существование парализованного человека, не способного прекратить свое существование, не является с его стороны поступком. Но при чем же здесь философия экзистенциализма? Попробуем ответить на этот закономерно возникающий вопрос. Общеизвестно, что экзистенциализм — многоаспектное явление истории философии, слагающееся из значительно отличающихся друг от друга направлений и представленное большим количеством философов и деятелей искусства (в особенности художественной литературы) в самых разных странах. Нас в данной статье будет интересовать лишь одна, но (как исторически, так и логически) принципиально важная для философии экзистенциализма проблема — проблема деления бытия на настоящее (подлинное) и ненастоящее (неподлинное). Экзистенциалисты постоянно твердят о том, что отнюдь не все то, что существует, является существующим действительно. Нередко существование оказывается прозябанием (неистинным существованием). Иногда человек живет, но назвать это жизнью нельзя (разве это жизнь?). И нередко сам человек чувствует это очень остро. Иногда это экзистенциальное переживание оказывается настолько сильным, что толкает человека к само-

убийству: человек совершает поступок, прекращающий эту якобы жизнь, которая на самом-то деле и не жизнь вовсе. Так, например, руководствуясь лозунгом «Жизнь=Любовь» (и следствием из него: «Нелюбовь=Смерть»), некоторые индивиды (психиатры считают их «психически неуравновешенными») совершают самоубийство, если нет любви (или если она кончается). Конец любви расценивается такими индивидам как конец жизни, а зарождение любви — как зарождение новой жизни, как воскресение из небытия. Только полюбив, человек начинает действительно (истинно) существовать. До этого (и после этого) ему лишь кажется, что он существует. А на самом-то деле его в действительности нет: он как бы «пребывает в состоянии анабиоза». В народе это называется «прозябать», «владить жалкое существование» и т. п. Некоторые максималистски (ригористически) настроенные юноши и девушки всерьез полагают, что «бессмысленное (в частности, лишенное любви) существование» не есть существование в собственном значении слова, и поэтому лучше вообще не быть, чем быть в смысле «прозябать», «владить жалкое существование» (Лучше вообще не быть, чем терпеть унижения, мучения и быть несчастным. Лучше умереть, чем быть рабом: свобода или смерть! Другой вариант: счастливая взаимная любовь или смерть!). В этой категории молодых людей суицидные настроения и активные попытки самоубийства не являются редкостью. В указанном отношении Ромео и Джульетта, Гамлет и т. п. литературные герои вполне могут быть отнесены, на мой взгляд, именно к данной категории «психически неуравновешенных».

Для «абсолютно рационально» мыслящего ученого, а также для философа-сциентиста (не говоря уже о профессиональных психиатрах) все эти суицидно ориентированные рассуждения кажутся бредом сумасшедшего («психически неуравновешенного»), иррациональным потоком болезненного сознания, цинично попирающим логику и факты. Поэтому, традиционно, сциентисты очень высокомерно (с большой долей презрения) относили всю эту проблематику к сфере искусства («Художник имеет право на вымысел»), но ни в коей мере не к сфере научной философии в собственном смысле этого слова. Столь же традиционно многие психиатры (с большой долей жалости, сочувствия и профессиональной заинтересованности) относили всю эту проблематику к сфере психической патологии («Вымысел — характерная особенность

сумасшедшего, отражающего реальность неадекватно»). Аналогичным образом (пренебрежительно, враждебно) относились к рационализму (и особенно к сциентизму) представители экзистенциализма. (Кстати, в результате многие из тех известных деятелей искусства, для которых были характерны «экзистенциалистские настроения», получили диагноз «психически ненормальные».)

Однако, по моему мнению, эта взаимная снисходительная жалость, презрение и враждебность, основанная на психологически естественной, общезначимой (наиндивидуальной) и устойчивой интеллектуальной иллюзии принципиальной логической несовместимости обсуждаемых качественно различных воззрений на мир, представляет собой досадное недоразумение, роковую ошибку. На мой взгляд, философия экзистенциализма может существовать также и в форме научного рационализма, в частности, в математизированной форме, т. е. как математическая философия (под математической философией мною имеется в виду философия, систематически использующая язык и метод математики для получения интересных результатов в области философии. При этом математическая логика (как именно логика, т. е. теория истины и лжи) оказывается важным, но все-таки частным случаем математической философии). В качестве простейшего примера математической философии экзистенциализма может быть рассмотрена обсуждаемая в настоящей статье алгебра поступков.

Прежде всего следует обратить внимание на формально-этические равноценности $Ba = +La$ (Жизнь есть любовь) и $NLa = +Ba$ (Нелюбовь есть несуществование). Согласно этим уравнениям, *бытие равноценно любви, а отсутствие любви равноценно небытию*. Если человек не любит, то он и не существует в истинном смысле слова, а лишь прозябает: ему кажется, что он живет, но разве это жизнь? Кроме того, имеет смысл обратить внимание на формально-этические равноценности $Ba = +Va$ и $Sa = +Ba$. Согласно этим уравнениям, *бытие равноценно вере, а отсутствие веры равноценно небытию*. Если человек не верит, то он и не существует в истинном смысле слова, а лишь прозябает: ему кажется, что он живет, но разве это жизнь? Таким образом, фидеизм предстает как научный рационализм! Как это ни странно для критиков фидеизма, утверждающих, что он враждебен науке, не имеет ничего общего с реально существующим миром, фидеизм ока-

зывается рационально организованной онтологией, т. е. учением о реально существующем! Таким образом возникает принципиально новая нетривиальная возможность перехода от старого конфликта науки и религии к толерантности между ними в вопросах веры и сомнения (неверия).

Пусть символы 8а, Юа, Жа, Яа обозначают, соответственно, морально-правовые формы поступков, т. е. ценностные функции, «вечность (бесконечность) деятельности а», «конечность (временность) а», «счастье (блаженство) в связи с а» и «горе (муки, несчастье) в связи с а». В дополнение к этому, пусть символы Fa, Ga, Wa и Da обозначают, соответственно, морально-правовые формы поступков, т. е. ценностные функции, «конец (окончание, исчезновение, прекращение) а»; «начало (зарождение, возникновение) а»; «непрерывность (непрестанность) а» и «прерывность (дискретность) а». Наконец, пусть символы Эа, Та, Ра, Ча, Па, Фа обозначают, соответственно, морально-правовые ценностные функции: (1) «новая (отличающаяся новизной) деятельность а»; старая (лишенная новизны) деятельность а»; «радость (восторг) в связи с а»; «печаль (грусть, скука) в связи с а»; «познание (открытие, раскрытие, обнажение сути) а»; «сокрытие поступка а, т. е. совершение а тайно». Согласно двузначной алгебре поступков, ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций 8а, Юа, Жа, Яа, Fa, Ga, Wa, Da, Эа, Та, Ра, Ча, Па, Фа адекватно определяется следующей ниже таблицей 2.

Таблица 2

а	8а	Юа	Жа	Яа	Fa	Ga	Wa	Da	Эа	Та	Ра	Ча	Па	Фа
х	х	п	х	п	п	Х	Х	п	х	п	х	п	п	х
п	п	х	п	х	х	П	П	х	п	х	п	х	х	п

Из сочетания этой таблицы со сказанным ранее элементарно получается целый ряд очень важных, фундаментальных, с религиозной точки зрения, морально-правовых оценок (формально-этических равноценностей), которые в большинстве своем (хотя и не все) интуитивно очевидны, а именно:

$$1) а+=Дa+=Уa+=Лa+=Вa+=Хa+=Рa+=Жa+=Са+=+=Ба+=8a+=Wa+=Ca+=Эa+=\Phi a;$$

$$2) а+=Оa+=Ra+=Ha+=Sa+=Za+=Чa+=Ya+=Ua+=+=Ba+=Юa+=Da+=Fa+=Ta+=Па.$$

Однако из сочетания таблицы T2 со сказанным ранее получаются также и некоторые психологически неожиданные (интуитивно неочевидные, нетривиальные), поразительные результаты, например: $Ла=+=8Ла=+=8а$ (Любовь вечна, или любовь равноценна вечности); $Ла=+=8Ба$ (Любовь есть «жизнь вечная»); $Ла=+=8Жа$ (Любовь есть вечное счастье); $На=+=Ба$ (Ненависть конечна, она равноценна временности); $На=+=8Ба$ (Ненависть равноценна вечному небытию); $На=+=8Яа$ (Ненависть равноценна вечному мучению). Как тут не вспомнить в высшей степени странную, просто безумную (с точки зрения «здорового смысла») сентенцию Святого Апостола Павла: «Любовь никогда не перестает» [1. Первое Послание к Коринфянам Святого Апостола Павла. Глава 13. Стих 8]. Как тут не вспомнить библейскую идею о **вечных** (адских) муках, как о будущем формально-этически эквивалентном воздаянии за нелюбовь (ненависть), неверие, отчаяние, пресечение бытия (убийство) и другие грехи. Как тут не вспомнить также библейскую идею о **вечной жизни в раю** (о вечном райском блаженстве) как о будущем формально-этически эквивалентном воздаянии за любовь, веру, надежду и другие добродетели праведников. Текст Библии недвусмысленно подтверждает сказанное: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...» <...> И пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» [1. Евангелие от Матфея. Глава 25. Стихи 41 — 46]. Процитированный отрывок из Библии, на мой взгляд, прекрасно соответствует морально-правовому уравнению $На=+=8Яа$, согласно которому ненависть есть «мука вечная» («адский вечный огонь»), а также морально-правовому уравнению $Ла=+=8Ба$, согласно которому любовь есть «жизнь вечная».

Ещё один поразительный результат: $Ва=+=8а$ (Вера равноценна вечности, т. е. вера в положительную ценность деятельности равноценна бесконечности этой деятельности); $Ва=+=8Ба$ (Вера есть жизнь вечная). Как тут не вспомнить в высшей степени странное, просто безумное (с обычной житейской точки зрения) заявление Святого Апостола Павла о том, что жизнь верующего человека никогда не кончается, верующие спасутся (верою своею) и будут жить вечно.

Поскольку **Вера, Надежда и Любовь формально-этически равноценны**, постольку невозможно не обратить

внимание также и на следующий результат: $Xa=+=Ba$ (Надежда есть жизнь). Как тут не вспомнить знаменитые фразы «Пока я надеюсь, я живу, а пока живу — надеюсь»; «Надежда умирает последней» и т. п. С этой точки зрения, печально известная зловещая фраза «Оставь надежду всяк сюда входящий» формально-этически равноценна фразе «Умри (навсегда) всяк сюда входящий». Формально-этическая равноценность $Xa=+=Ba$ («Надежда есть жизнь вечная») означает верность афоризмов: «В жизни всегда есть место надежде»; «Безнадежных ситуаций не бывает»; «Если тебе кажется, что ситуация абсолютно безнадежна, значит, ты чего-то не учел» и т. п. С указанной точки зрения, отнюдь не странным, а, наоборот, закономерным оказывается тот эмпирически установленный факт, что очень часто в экстремальных условиях человек гибнет в каком-то смысле не от этих экстремальных условий как таковых, а от отчаяния, т. е. отсутствия надежды, ибо, согласно уравнению $Za=+=Ba$, отчаяние есть смерть. (Отчаяние *формально-этически равноценно* смерти.) Поэтому нельзя впадать в отчаяние (это — грех). Перестать надеяться — значит — умереть, совершить самоубийство, «подставиться под удар судьбы». Потеря всякой надежды человеком, который тем не менее еще длительное время продолжает жить, есть не что иное, как «его смерть задолго до наступления его смерти».

Наконец, важно обратить внимание на то, что из сочетания таблицы T2 со сказанным ранее получается следующий поразительный результат: $Ba=+=Ba$ (Бытие равноценно вечности); $Ya=+=Ba$ (Конечность, временность, смертность равноценна небытию). Поскольку очевидно, что многое в этом мире конечно, постольку многое в этом мире в каком-то («действительном», «истинном», «настоящем») смысле не существует, а только кажется существующим. Сделав человека смертным, т. е. невечным (в ответ на нарушение Адамом и Евой установленной Богом райской дисциплины), Бог тем самым сурово наказал людей, и это наказание (согласно уравнению $Ya=+=Ba$) равноценно высшей (исключительной) мере наказания, а именно смертной казни (т. е. прекращению бытия) человека. (Для более подробного знакомства с результатами математического моделирования морально-правового аспекта ситуации, приведшей Адама и Еву к потере Рая, см. статью [4]).

В свете сказанного выше наконец-то становится ясным и понятным точный смысл заявления Бога о том, что, *если вы (Адам и Ева) вкусите плод с Древа Познания, то в тот же день умрете*. Поскольку в данном случае точность воспроизведения текста Библии принципиально важна, процитируем соответствующий отрывок: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [1. Бытие. Глава 2. Стихи 16—17]. Змей возразил: «нет, не умрете». Убедимся в этом с помощью цитаты из Библии: «И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю»? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов с дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете...» [1. Бытие. Глава 3. Стихи 1—4]. Далее Библия повествует, что Адам и Ева ели от древа познания добра и зла, но *в тот день, в который вкусили от него*, не умерли. Отсюда некоторые авторы делают вывод: Бог преднамеренно обманул (высказал ложное суждение), а Змей сказал сущую правду. Но в таком случае оказывается, что Бог был *самым первым* обманщиком в этом мире (а говорил: «Не лги!»). Такую точку зрения развивает, например, Ю. Щербатых в своей книге «Искусство обмана». Он пишет: «Именно с обмана женщины змием, по мнению христиан, начинается история грехопадения людей... Однако, если внимательнее присмотреться к библейским текстам, видно, что обманщиком-то был не змей, а Бог, ибо он заведомо обманул своих подопечных, запугав их неизбежной якобы гибелью, если они попробуют плодов с заповедного дерева ... Змей же говорил сущую правду, за что и пострадал...» [5. С. 15, 16]. В связи с выдвинутым против Бога обвинением в преднамеренной лжи и лицемерии возникает проблема теодицеи (т. е. проблема оправдания Бога). С христианской точки зрения, Бог в этой связи нуждается в хорошем адвокате (а для змея надо найти сурового прокурора). В этой связи мне в данной работе хотелось бы попробовать себя в роли адвоката Бога (и обвинителя змея), так как, по моему мнению, «если внимательнее присмотреться к библейским текстам», то видно, что не только возможна, но еще и *является наиболее обоснованной* такая интерпретация обсуждаемой ситуации, при

которой Бог сказал сущую правду, а змей — ложь. Что же это за интерпретация? Это такое истолкование двусмысленной связки «есть», при котором она означает не обычную логическую связку «есть», а **формально-этическую равноценность** (т. е. определенное выше отношение « $=+=$ ») соответствующих поступков: 1) поедание плода с дерева *познания* и 2) *смерть в тот же самый день*, в который это поедание было совершено. Тот сообщенный нам Библией факт, что Адам и Ева не умерли ни непосредственно в процессе поедания яблока, ни в день его поедания, ни в течение длительного времени после этого, не опровергает факт морально-правовой эквивалентности (формально-этической равноценности) поступков 1) и 2). Согласно морально-правовому уравнению $Па+=Ба$, **познание формально-этически равноценно небытию**, или, говоря более кратко и метафорично, «*познание есть смерть*». Не случайно ведь из «двух (выдающихся) деревьев посреди рая» одно называется «дерево жизни», а другое — «дерево познания». Если исходить из того, что мир дихотомичен и эти два дерева исчерпывают универсум выдающегося (особо значимого, находящегося «посреди рая»), то отсюда вытекает, что дерево познания есть дерево нежизни, т. е. «дерево смерти». Тяга к познанию *есть* тяга к смерти. (Еще раз обращаю внимание читателя на то, что подчеркнутая связка «есть» в данном случае имеет смысл **формально-этической равноценности** поступков, а не обычный собственно логический смысл. Поэтому те, кто систематически занимаются познавательной деятельностью, например, научные работники, могут не бояться: они будут жить и умирать так же, как и все (в обычном порядке), как Адам и Ева и все их потомки. Однако Бог не был обманщиком: он сказал правду, а змей солгал. Просто люди неправильно поняли смысл того, что сказали Бог и змей: произошло досадное недоразумение, вызванное подменой понятий. Это принципиально важное для теодицеи обстоятельство становится особенно очевидным именно на уровне исследуемой алгебраической модели естественного права, ярко высвечивающей принципиальную разницу **собственно логического** понятия « $\langle \rangle$ » (понятия «логическая эквивалентность высказываний») и **формально-этического** понятия « $=+=$ » (понятия «формально-этическая равноценность поступков»): высказывания «Еа«Ев» и «а $=+=$ в» не являются формально-логически равносильными друг дру-

гу, так как ни одно из них не есть логическое следствие другого. (Символы **Еа** и **Ев** обозначают здесь морально-правовые формы поступков, представляющих собой истинные или ложные *высказывания* о совершении поступков **а** и **в**.)

В свете сказанного выше становится, на мой взгляд, более ясным и понятным также и **ценностно-функциональный** смысл библейской заповеди «не убий». Если бытие (жизнь) есть добро, то пресечение жизни (убийство) есть зло. Если в некоторой системе ценностей (например, в Библии) заповедь «Любите ближних!» принята в качестве исходной положительной ценности (принята за «аксиому»), то, согласно уравнению $La = + = NRBa$, в той же самой системе ценностей **необходимо** (*формально-этически*) принять также и заповедь «Не убивайте (воздерживайтесь от пресечения бытия) ближних!» (как «теорему»). С этой точки зрения оказывается, что в ригористической (абсолютно нетолерантной) морально-правовой системе любой человек не только имеет право на жизнь, но еще и **обязан жить** (самоубийство запрещено как частный случай убийства). Конкретным примером такого рода системы может выступать система христианских ценностей, последовательно отстаиваемая католической церковью: в ней не только убийство вообще, но и самоубийство, в частности, есть тяжкий грех, преступление законов естественного права и морали.

Итак, согласно алгебре поступков: вечность (бесконечность) есть добро, а конечность (смертность) есть зло; бытие (жизнь) есть добро, а небытие (смерть) есть зло; временная (конечная) жизнь есть зло, а временная смерть (неизбежно сменяемая воскресением из мертвых) — добро; бесконечная (вечная) жизнь есть добро, а бесконечная (вечная) смерть есть зло. В разнообразных мифах и религиях народов, живших в разные времена на разных континентах, эти отождествления встречаются постоянно. Однако каков точный смысл связки «есть» в этих предложениях? Попытки придать связке «есть» в указанных фразах тот смысл, который эта связка имеет в формальной логике, неизменно приводили, приводят (и будут приводить) к явным нелепостям. Одним из прискорбных следствий такого рода нелепостей явилось широко распространенное в наше время мнение, что религия логически противоречит науке, несовместима с ней. На мой взгляд, связка «есть» в упомянутых выше предложениях имеет не формально-ло-

гический, а формально-этический смысл: она выступает как средство выражения в естественном языке отношения формально-этической равноценности. Принципиально важно подчеркнуть, что отношения *«высказывания (...) формально логически равносильны»* и *«поступки (...) формально-этически равноценны»* не являются тождественными. Их абсолютное отождествление — источник психологически естественно (закономерно) возникающих и поэтому повсеместно распространенных, но, на мой взгляд, ошибочных мнений (интеллектуальных иллюзий), согласно которым: экзистенциализм есть иррационализм; экзистенциализм противоречит науке; фидеизм есть иррационализм; фидеизм противоречит науке и т. п.

Итак, с точки зрения алгебры поступков, утверждения о возможности существования «жизни после смерти», «жизни после жизни», «жизни до жизни» и т. п., а также утверждения о возможности существования «смерти до смерти», «смерти при жизни», «смерти после смерти», «смерти до жизни» и т. п., кажущиеся абсолютно иррациональными, на самом деле не являются таковыми: они вполне рациональны, подчиняются некоторой строго определенной структурно-функциональной закономерности, являющейся предметом изучения (и, в частности, математического моделирования) в настоящей работе.

На уровне исследуемой алгебраической модели естественного права и морали элементарно обосновывается также следующее теоретически очень интересное и практически очень важное для жизни любого человека мировоззренческое положение (уравнение): $БСБа = + = Ба$. Оно означает, что **небытие смысла бытия равноценно небытию**. Иначе говоря, *бессмысленное существование не есть существование, а есть несуществование*. Полная потеря смысла жизни означает смерть. Уничтожение смысла жизни равноценно убийству. Обесмысливание своей жизни — самоубийство. Но тогда из заповеди «не убий!» логически следует, что *человек должен (просто обязан) иметь смысл жизни*. В противном случае его жизнь безнравственна, пуста, и жизнью, строго говоря, не является. Отсутствие смысла жизни есть зло. Те, кто говорит, что жизнь не имеет смысла, — безнравственные люди, «живые трупы». Настоящая (истинная) жизнь полна смысла (каждый человек обязан в течение всей своей жизни искать смысл своего существования и находить или конструировать его). Например, со-

гласно уравнениям $Ла=+=СБа$, $Ва=+=СБа$, $Ха=+=СБа$, *любовь есть смысл жизни, вера есть смысл жизни, надежда есть смысл жизни*. Кроме того, согласно уравнению $Ба=+=СБа$, сама **жизнь есть смысл жизни**. Иначе говоря, **смысл жизни в самой жизни** (ибо жизнь есть Добро). Наконец, богословы, священники и просто верующие вряд ли будут оспаривать то, что **смысл жизни есть жизнь вечная** (согласно уравнению $СБа=+=8Ба$).

Наконец, целесообразно обратить внимание на морально-правовое уравнение $ЮБа=+=ГБа=+=ГЭБа$. Оно означает, что «конечность смерти формально-этически равноценна ее окончанию, т. е. представляет собой смерть смерти», а «окончание смерти (в отношении к **а**) равноценно началу новой жизни (в отношении к **а**)». Обозначим «начало новой жизни (в связи с **а**)» символом **Va**. Таким образом, по определению (номинальному), $Va=+=ГЭБа$. Но «начало новой жизни (в связи с **а**)» есть не что иное как «воскресение (в связи с **а**)». Следовательно, поскольку $Ла=+=ГЭБа=+=Va$, постольку «любовь равноценна воскресению из небытия». Более того, поскольку $Ва=+=ГЭБа=+=Va$, постольку «вера равноценна воскресению из небытия». Было бы точнее сказать: «вера в то, что **а** — добро, формально-этически равноценна воскресению из мертвых (в связи с **а**)». Вообще говоря, при морально-правовой оценке веры, надежды, любви, воскресения и т. п. переменная **а** существенна. Если она примет значение «плохо (зло)», то $Ла$, $Ва$ и Va тоже примут значение «плохо (зло)»: любовь ко злу, ложная вера и воскресение зла представляют собой зло. Верующие в Бога убирают переменную **а** и получают в результате положения: «Любовь есть воскресение из мертвых (любовь побеждает смерть)»; «Вера есть воскресение из мертвых (вера побеждает смерть)» и т. п. потому, что они подразумевают, что речь идет о любви к Богу, о вере в Бога, а Он для них есть Добро, т. е. ими подразумевается, что значение переменной **а** является положительным, и поэтому фиксированным и, следовательно, перестав быть переменной, она может быть устранена из фразы.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что конфликт науки и религии в вопросе о рациональности религиозного догмата о спасении праведников (об их воскресении из мертвых и последующей вечной жизни), а также о гибели грешников (об их вечных муках и вечной смерти) не является

абсолютно неразрешимым, не дающим никаких оснований для толерантности. По моему мнению, толерантность науки и религии в обсуждаемом вопросе вполне возможна, и возможность эта совершенно реальна. Наука может и должна предоставить для этого подходящий метод. В частности, в качестве такого метода разрешения конфликта и обеспечения толерантности может служить язык и метод алгебры поступков. Если принять во внимание принципиальное логическое различие двух значений связки «есть», а именно: (1) «есть» как средство выражения в языке *логической эквивалентности* высказываний и (2) «есть» как средство выражения в языке *формально-этической равноценности* поступков, то исчезает (разрушается) лежащее в основе обсуждаемого конфликта логическое противоречие-антиномия: «жизнь праведников конечна (согласно позитивной науке) и жизнь праведников вечна (согласно религии)». Оказывается, что в тезисе позитивной науки используется значение (1), а в антитезисе религии — значение (2). Таким образом смыслы тезиса и антитезиса уточняются, сфера их истинности ограничивается и иллюзия антагонистического противоречия исчезает. То же самое средство эффективно разрушает и следующую антиномию-проблему: если грешников ожидает вечная смерть, то как тогда может быть осуществлено их вечное мучение, как мучить абсолютно мертвых? (Для того, чтобы испытывать мучения, нужно быть живым.) В алгебре поступков ответ на этот вопрос заключается в следующем: религия утверждает не эмпирический факт одновременности мучения грешников и их пребывания в мертвом состоянии, а *формально-этическую равноценность* их вечной муки и вечной смерти. Для того, чтобы действия были формально-этически равноценными, не необходимо, чтобы они были совместимыми. Действия, исключаящие возможность одновременного осуществления друг друга, вполне могут быть формально-этически равноценными. Таким образом, предпринятое в данной статье исследование приводит к выводу, что даже по отношению к обсуждаемым традиционно очень острым проблемам взаимоотношения науки и религии возможна толерантность, взаимодополнение и взаимообогащение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. М., 1994.
2. *Дионисий Ареопагит*. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.
3. *Лобовиков В. О.* Математическое правоведение. Ч. 1: Естественное право. Екатеринбург, 1998.
4. *Лобовиков В. О.* Почему Бог изгнал Адама и Еву из Рая? (Проблема теодицеи и ее решение на уровне алгебраической модели естественного права) // Молодая мысль на пороге нового века: Материалы науч.-практ. конф. 27 – 28 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 185 – 188.
5. *Щербатых Ю.* Искусство обмана. М., 1999.

Г. А. Ольховиков,

*ассистент кафедры онтологии,
логики и теории познания УрГУ
(г. Екатеринбург)*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТОЛЕРАНТНОСТИ

ПОЧЕМУ СЛЕДУЕТ ГОВОРИТЬ О ТОЛЕРАНТНОСТИ?

В последнее время изучение толерантности становится все более актуальным в связи с рядом вопросов, с которыми, в ходе своего развития, сталкиваются социальные и гуманитарные науки. И хотя вопросы эти носят по большей части практический характер, и, так сказать, ставятся перед научным сообществом самой жизнью, их решению необходимо должна предшествовать серьезная теоретическая и логико-методологическая проработка самого понятия толерантности. Ведь, как и всякий научный термин, слово «толерантность» имеет в качестве своего значения некоторый абстрактный объект, который призван служить целям концептуализации, понимания и удовлетворительного разрешения упомянутых практических вопросов. В настоящей работе нашей целью является краткое описание одного из возможных путей логико-методологического прояснения понятия толерантности. Это описание одновременно дает неформальный отчет об уже достигнутых результатах и оценивает перспективы дальнейшего продвижения в принятом направлении.